

М.П. Гребнева
Жизненная драма
М. Кузмина и Флоренция

По словам О.Н. Гильдебрандт, «Кузмин, хотя у него была фр<анцузская> кровь, не мечтал о Париже. Он предпочитал Германию, – и особенно Италию» [1, с. 151]. Замысел посетить эту страну возник у него в 1886 г. В письме к Г.В. Чичерину от 12(24) октября он делился своими мыслями: «Знаешь, почти наверно, я весною съезжу в Италию, между мною и мамой это решено, я возлагаю на это большие надежды, если одно ожидание меня перерождает, но куда я не говорю об этом» [2, с. 40–41].

Думая о предстоящем вояже, Кузмин предполагал: «Маршрут таков (если не считать Рима...): Венеция *passim* дней 5, Флоренция – недели 2 1/2, Сиена недели 2, Ассизи и Перуджа недели – 2, Равенна – 2 недели, Феррара, Верона и Венеция...» [2, с. 41].

Об изменении маршрута Кузмин писал в послании Чичерину 6(18) декабря 1886 г.: «Теперь в Италии прежде всего надо в Рим до Пасхи, чтобы избежать наплыва, затем Сиена, Флоренция, Ассизи, Равенна и Венеция» [2, с. 41]. Заметим, что в сознании русских путешественников, и Кузмин не является исключением в этом смысле, Сиенна, Ассизи, Равенна неразрывно связаны с Флоренцией.

Из Флоренции Кузмин прислал Чичерину (Юше) несколько посланий. В его письмах нет характеристик достопримечательностей города. Флоренция – только кулисы и подмостки для постановки жизненной драмы Кузмина. Это место, где он выздоравливает и прозревает духовно, где постигает себя и других людей. Город цветов не потрясает Кузмина, как Рим, а успокаивает, действует благотворно: «Флоренция – очаровательна со своими пейзажами вроде примитивов: тонкими, рядом стоящими деревцами с прозрачной еще зеленью, яблонями в цвету и голубыми холмами» [2, с. 44].

Непродолжительное путешествие 1886 г. надолго запомнилось Кузмину. Биограф и исследователь его творчества Н.А. Богомолов писал, что «для человека того времени и того круга Кузмин путешествовал чрезвычайно мало, но интенсивность переживаний оказалась столь велика, что и тридцать лет спустя он мог мысленно отправиться в путешествие по Италии, представляя его во всех подробностях» [3, с. 129].

Дорогие воспоминания оживают значительно раньше, в частности, в стихотворении 1904 г. «Это весеннее теплое дыхание». Мотивы весны и солнца сближают это произведение с теми, в которых рассказывается о Флоренции:

Это весеннее теплое дыхание
 Будит уснувшие в сердце воспоминания...
 Мысли ведут меня, солнцем влекомые...

[4, с. 504]

Воспоминания зовут героя в чужой город, подчеркнем, «теперь» чужой. О «странности» этого «чужого» города и «знакомых» улиц свидетельствует союз «будто», явно указывающий на неполную степень отождествления:

В город чужой теперь, в улицы же знакомые.
 Будто Москва-река, будто как Неглинная,
 Розовый дом стоит, церковь рядом старинная,
 Благовест слышится, солнце встает
 багровое...[4, с. 504].

Мотив багрового солнца, видимо, очень важен для Кузмина. Он появляется и во «флорентийском» стихотворении «Как люблю я запах кожи...» (1912):

Вы проехали, улыбнувшись, к Лунгарно,
 А собор от заката был альым [4, с. 105]

Оба стихотворения сближает также мотив поездки:

Я стоял, Вы ехали мимо,
 И из дверей пахло кожей...[4, с. 105].

Ждет меня лошадь; попона на ней кованная.
 Кто-то поедет, и с кем-то я должен
 встретиться.

Кем-то любовь моя скоро должна приветиться
 [4, с. 504]

«Осколки» аналогичного сюжета: старинный город весной, встающее или заходящее солнце, поездка на лошадях или прогулка пешком, встречаются в письмах Кузмина «флорентийского» периода: «Я не спорю, что со мной обращаются и М<онсиньор> Мори, и его сестра, и маркиза лучше, чем с родным, что местность очаровательна и ежедневные прогулки на лошадях дают видеть все окрестности...» [2, с. 47]; «Здесь у маркизы я как маленький принц; это считается самым красивым и цветущим местом Апеннин – Mugello. И прогулки на вершины, откуда видны Средиземное и Адриатическое море – прелестны» [2, с. 47–48]. Заметим также, что, по словам А. Кара-Мурзы, «вместе с маркизой

(Эспинати-Марати. – М.Г.) Кузмин совершал ежедневные конные прогулки», «часто отправлялись они на лошадях и во Фьезоле» [3, с. 127, 128].

С воспоминаниями о городе-любви, городе Данте и Беатриче, Леонардо и Джоконды связано стихотворение «Серенада» (К рассказу С. Ауслендера «Корабельщики») 1907 г.:

Что ему (кормщику. – М.Г.) морей капризы,
Ветер, буря, штиль и гладь?
Сердцем Биче, сердцем Лизы
Разве трудно управлять [4, с. 35].

Стихотворение «Одна звезда тебе над колыбелью» (1908) посвящено племяннику Кузмина С. Ауслендеру, который весной 1908 г. побывал во Флоренции. 12(25) марта он писал своему дяде: «Теперь успокоился в прекрасной Флоренции. Я думал, что только в старых книгах можно читать о тихих нежных пристанищах, как Флоренция» [4, с. 519]. Город цветов именуется в этом стихотворении «звездой» над творческой колыбелью Кузмина и Ауслендера:

Одна звезда тебе над колыбелью
Цвела и над моей цвела весной.
Два языка даны душе одной:
Моя печаль поет твоей свирелью [4, с. 125].

Не произнося прямо слово «Флоренция», он именуется ее городом цветов, городом весны, местом душевного единения. Флоренция для Кузмина и Ауслендера – это и город контрастов: печали («печальный отрок», «моя печаль») и веселья («весны веселый трепет»); сладости («сладостно правдивы», «сладко возродил») и горести («вотще ища забавы»); отрочества («печальный отрок») и смерти, старости («с дремлющих могил») [4, с. 125, 126].

Кузмина и Ауслендера, «флорентийских», объединяет мотив крыльев, полета. Не случайно «Крыльями» названа отчасти автобиографическая повесть Кузмина. Автор вспоминает о себе в прошлом не только в прозе, но и в стихах:

Я помню вновь весны веселый трепет,
Когда мне видятся твои черты.
Не тот же ль хмель почувешь скоро ты,
Пройдя шагов несмелых первый лепет?
Взлетишь, взлетишь, как непокорный стрепет!
[4, с. 125].

Слова *весна, хмель, трепет, стрепет* можно поместить в один ряд. Они о «прошлом» Кузмина и о «нынешнем» Ауслендера. Кузмин влюблен во Флоренцию не меньше, чем прежде, он поклоняется ей так же, как и Ауслендер:

Любви чужой прилежный ученик,
К земле другой так набожно приник...[4, с. 125]

Впечатления Ауслендера порождают сладостные воспоминания и не менее сладостные

надежды Кузмина:

Слова твои так сладостно правдивы,
Что, мнится, вот под северные ивы
Перенесешь живительный родник. [4, с. 126]

В стихотворении «Как люблю я запах кожи» (1912) Кузмин передает свои ощущения от давнего пребывания во Флоренции и соотносит их с нынешними ощущениями. Эпизод из прошлого запечатлелся в его памяти. Это одно из немногих стихотворных произведений, в котором упоминаются названия города и его улиц:

Во Флоренции мы не встречались:
Ты там не был, тебе было тогда три года...
Вы помните улицу Calzajuoli...
Вот отчего улица Calzajuoli...
Вы проехали, улыбнувшись, к Лунгарно...

Прошлое – это Флоренция, улица Calzajuoli, торговая улица, лавка сапожника Томазо, запах кожи и жасмина:

Вы помните улицу Calzajuoli
И лавку сапожника Томазо?

...

Я стоял, Вы ехали мимо,
И из дверей пахло кожей;
А в стакане, на полке хранима
Была ветка жасмина (жасмина, не розы)

[4, с. 105].

Упоминание о ветке, цветах в произведениях о Флоренции становится лейтмотивным:

Крылья

Он встал, после бессонной ночи, измученный и с головной болью, и, нарочно медленно одевшись и умывшись, не открывая жалюзи, у стола, где стоял стакан с цветами, написал... [5, с. 145].

Утро во Флоренции

Веточку, только веточку
В петлицу вдень, –
Проходишь весело
С ней целый день [4, с. 255].
Прошлое – это ощущение весенней радости, надежды на вечную жизнь:
Но ветки жасмина качались,
И в сердце была любовь и тревога.

Так вот отчего эта сладость,
Вот отчего улица Calzajuoli!
Сердце, сердце, не близка ли радость,
А давно ль ты собиралось умирать, давно ли?
Сама ситуация радостного и тревожного ожидания стала вневременной, архетипической в жизни и в творчестве Кузмина, неразрывно связанной с Флоренцией:

Нет, лицо твое совсем другое,
Но близко стрелы прошелестели
И лишили меня покоя.

Ситуация становится обобщенной, утратив-

шей конкретику еще и потому, что с ней связано что-то потаенное в сознании, психике автора, что-то таинственно-запретное:

Как люблю я запах кожи,
Но люблю и запах жасмина.
Между собой они не схожи,
Но есть что-то общее между ними.
Но откуда вдруг запах кожи
И легкое жасмина дуновение?
Разве и тогда было то же
И чем-то похожи эти мгновенья? [4, с. 105].

Вневременный характер всего случившегося тогда подчеркивается с помощью уподобления Флоренции звезде, которая «рассекла сердце»:

Звезда мне рассекла сердце!
Напрасно ты не понимаешь
И просишь посыпать еще перца.

«Звезда» в сердце – это не только то, что было «тогда», и не только то, что там есть «теперь», а это еще и то, что сохранится в нем «навсегда»:

1
Но не равно ли у нас сердца бились
Тогда, как и в любом преданьи?

2
Но сердце помнило, сердце знало,
И ему было сладостно и обидно...

3
Но ветки жасмина качались,
И в сердце была любовь и тревога.

4
Я знаю, знаю! А ты, ты знаешь?
Звезда мне рассекла сердце!

5
Сердце, сердце, не близка ли радость,
А давно ль ты собиралось умирать, давно ли? [4, с. 105].

К началу 1913 г. относится знакомство Кузмина с И. Юркунасом, молодым литовцем, которому он посвятил стихотворение 1914 г., опубликованное Н. Богомоловым, «Мы, Божьей милостью хранимы». В нем Флоренция, как и Рим, предстает городом взаимной мечты и любви:

Мы, Божьей милостью хранимы,
Вдвоем с тобой не пропадем,
Любя, Флоренции и Римы,
Мы посетим с тобой вдвоем [6, с. 279].

Вообще в наследии Кузмина Флоренция неразрывно связана с именами Луиджи Кардони (письма и повесть «Крылья»), С. Ауслендера («Серенада», «Одна звезда тебе над колыбелью...») и Ю. Юркунаса («Мы, Божьей милостью хранимы»). Причем если первый был с Кузминым во Флоренции, если Ауслендер посетил ее один, то Юркунас, как следует из стихотворения, не видел ее вовсе. Мечта Кузмина побывать во Флоренции еще раз не осуществилась. В дневнике за декабрь 1934 г. он писал: «Читаю почему-то Эдгара По. А мысль о

поездке в Италию не кажется мне невозможной. И так, я дожил до 35<-го> года» [1, с. 145].

Возможно, воспоминаниями о Флоренции навеяно стихотворение «Симонетта» (1917). Это имя влечет за собой целую цепь ассоциаций. По словам П.П. Муратова, в жизни и в творчестве С. Боттичелли «есть два ясно обозначенных периода. Время Джулиано (Медичи. – М.Г.) и Симонетты (Веспуччи. – М.Г.), сонетов Лоренцо Великолепного и стансов Полициано, время турниров и карнавальных шествий...» [7, с. 185].

В одном из писем к Чичерину Кузмин упоминал, что «здесь (в Риме. – М.Г.) я получил стихотворения L. Medici и G. Cavalcante, есть чудные» [2, с. 46].

В дневнике за 1934 г. он отмечал, что Симонетта – «символ, не человек, которую Боттичелли так везде и рисовал в виде Венер, Мадонн, весен, возлюблен<ная> Лоренцо, воспетая Полициано», что она «на вечные века символ скоропроходящей молодости», что она «восторженная, радостно-удивленная, открытая для всего и всех, легкий, убегающий профиль. Всем несет радость и прелесть жизни, и сама первая это восторженно воспринимающая» [1, с. 40].

Именно на эту тему быстротекущей человеческой жизни и размышляет Кузмин в стихотворении «Симонетта»:

Ведь день удачный
Иль праздный день –
Все к смерти мрачной
Мелькнут, как тень.
О, Симонетта!

Лейтмотивом произведения становится слово «спеш»: «спеш в леса», «спеш, спеши». В нем лето так противопоставляется зиме, как жизнь – смерти:

Промчится лето,
Близка зима.
Как грустно это,
Пойми сама,
О Симонетта! [8, с. 402].

Симонетта – это символ жизни, весны, любви, радости, Флоренции, как Беатриче или мона Лиза.

Кузмин размышляет о том, чего, как ему кажется, не замечает никто, кроме него самого и прославленного художника: «И Боттичелли, который видит то, чего никто, ни она сама не видит, ее обреченность» [1, с. 40]. Эта обреченность, скорее всего, усиливает впечатление радости, прелести и красоты. Кузмин же предстает не только знатоком живописи, но и ценителем женской красоты.

Образ прекрасной, но обреченной женщины представлен в его повести «Крылья» – это образ Иды Гольберг: «Ваня увидел высокую девушку, с бледным кругловатым лицом, совсем

светлыми волосами, с афродизийским разрезом больших серых, теперь посиневших от волнения глаз, со ртом, как на картинах Боттичелли, в темном платье...» [5, с. 83].

Комната героини в повести напоминает о смерти: «желтая занавеска во всю стену задергивала сразу все три окна», «и на кожаные сундуки, еще не упакованные чемоданы, усаженные медными гвоздиками (как на гробы. – М.Г.), ящик с запоздавшими гиацинтами ложился желтый, тревожащий свет» [5, с. 92].

Ваня Смуров и Ида Гольберг читают «Божественную комедию» Данте незадолго до гибели девушки. Она просит мальчика не начинать чтение новой песни: «Не стоит, Ваня, начинать новой песни» [5, с. 93].

К 1921 г. относится написание стихотворения «Утро во Флоренции». События 34-летней давности, прошлые ощущения благополучия отразились в этом произведении. Как игра в святость, приобщение Кузмина к католицизму во Флоренции через каноника Мори сравнивается с игрой, которая ведет к беспечной цели, так Орсанмикеле уподобляется горе мимоз:

Or San Michele,
Мимоз гора!
К беспечной цели
Ведет игра [4, с. 255].

Игра Мори и его окружения, по мысли Кузмина 1921 г., не вела ни к какой цели. Она была бесцельна и обречена на поражение. То, что навязывалось ему в его тяжелом, подавленном состоянии, кажется чем-то внешним, ненужным, как тогда веточка в петлице:

Веточку, только веточку
В петлицу вдень, –
Проходишь весело
С ней целый день [4, с. 255].

Внешне Кузмин чувствовал себя достаточно комфортно в доме священника, в его библиотеке:

Какой-то особенный,
Легкий миг:
Блестят соломенно
Обложки книг [4, с. 256].

В письме к Чичерину из Флоренции от 1 июня 1897 г. он замечал: «Столуюсь я дома, М<ори> и его сестры так обо мне пекутся, что мне даже совестно» [2, с. 48]. Те же самые впечатления и ощущения нашли отражение в стихотворении:

В большой столовой
Звонит хрусталь,
Улыбки новой
Сладка печаль! [4, с. 255–256].

Печаль, которую испытывает Кузмин, он называет «сладкой» в стихотворении, а в письме упоминает о своей покорности и благоговении перед святым Луиджи Гонзаго [2, с. 47].

Автор и его лирический герой ощущают себя на пороге новой жизни, они чувствуют освобождение от внутренней тюрьмы: постоянные занятия чтением, прогулки пешком и на лошадях, красота окружающей природы предопределили это внутреннее перерождение:

Свежо и приторно...
Одеколон?
Тележка подана,
Открой балкон! [4, с. 256].

В сознании Кузмина стихотворение «Невнятен смысл твоих велений» (1921), на наш взгляд, неразрывно связано с Флоренцией точно так же, как и с фреской Б. Гоццоли «Шествие волхвов» в палаццо Медичи. Образ Флоренции и скороход Гоццоли соотнесены в сознании Кузмина. Он обручен с поэзией во Флоренции, обрел крылья именно в этом месте. В библейском мифе, к колыбели Иисуса должны были прийти волхвы, они же стали символом поэтического рождения Кузмина. Флоренция – это источник вдохновения, родник его творчества, место встречи с его поэтическим гением.

Однако в тот момент, когда он пишет свое стихотворение, его гений утомился, как и скороход Гоццоли, его поэтический родник, флорентийский родник, мелеет:

Невнятен смысл твоих велений:
Молиться ль, проклинать, бороться ли
Велишь мне, непонятный гений?
Родник скудеет, скуп и мал,
И скороход Беноццо Гоццоли
В дремучих дебрях задремал [4, с. 238].

О душевной смуте свидетельствуют красновато-желтый, мертвенный цвет холмов, приобретаемый, если можно так выразиться, фреской («холмы темны медяной тучей») и отсутствие «крылатости» во всем, что окружает Кузмина: взор, не льющий «крылатых струй», не манящий «опережать Гермесов лет», кони «стреноженные», воины раскинувшиеся, дряхлеющие (опустившие «крылья», утратившие способность летать. – М.Г.), сам гений, которого автор призывает держать «отверстыми ладони» (крылья? – М.Г.).

Однако строфика стихотворения и особенно последняя (четвертая) строфа наводят на оптимистические размышления. Если в первой строфе все так безотрадно, то в трех последующих Кузмин обращается к своему гению, к городу, к Флоренции с призывами:

2

Смотри: я стройных струн не трогаю.

3

Держи отверстыми ладони!

Не соблазняйся промедлением,
Лови чрез лед призывы гласа...

В этих активных действиях, к которым побуждает Кузмин своего покровителя, – залог благополучия, залог их совместного возрождения:

И распротысь с ленивым млением,
Воскреснешь, волен и влюблен [4, с. 238].

Они воскреснут так же, как некогда Иисус. О библейской тематике стихотворения свидетельствуют не только его сюжет, но и церковно-славянизмы (взор, отверстые, глас, елей), их явная смысловая близость к пушкинскому «Пророку»:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей [9, с. 83].

В этой связи пророка можно соотнести не только с гением Кузмина, но и со скороходом («обходя моря и земли») Гоццолли. Флоренция Кузмина – это воспоминания о времени тревожного ожидания, это место, где особенно отчетливо понимаешь обреченность молодости и красоты на земле. Вместе с тем, Флоренция – это канун новой жизни, источник поэтического вдохновения, с нею связаны надежды на возрождение, она всегда успокаивающе и благотворно действовала на писателя.

Литература

1. Гильдебрандт О.Н. М. Кузмин // М.Кузмин. Дневник 1934 года. – СПб., 1998.
2. Тимофеев А.Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник. 1992. – М., 1993.
3. Кара-Мурза А. Знаменитые русские о Флоренции. – М., 2001.
4. Кузмин М. Избранные произведения. – Л., 1990.
5. Кузмин М. Проза и эссеистика : в 3 т. – М., 1999. Т. 1.
6. Богомолов Н.А. Неизданный Кузмин из частного архива // Новое литературное обозрение. – 1997. – №24.
7. Муратов П.П. Образы Италии : в 3 т. – М., 1993. Т.1.
8. Кузмин М. Стихотворения. – СПб., 2000.
9. Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. – М., 1974. Т. 2.